

АЛЕКСЕЙ БОГАТУРОВ

ЛИДЕРСТВО И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ*

Пятнадцатилетняя тенденция к *централизации* международной системы после распада Советского Союза, возможно, ослабевает. Хотя превосходство Соединенных Штатов не оспаривается, сами они, завязнув в иракской войне, теряют уверенность. Воинственные речи по-прежнему раздаются, но на деле политики пытаются вести себя осмотрительней. Желание рисковать тем меньше, чем ближе выборы американского президента. В обстановке сомнений в способности республиканцев победить в третий раз подряд начинает исподволь меняться внешнеполитическое поведение США. Амбиции вряд ли стали меньше, но жизнь вынуждает проявлять не свойственные «команде Буша» осторожность и склонность снова хотя бы выслушивать мнения союзников, прежде всего натовских.

Начавшись в 2003 г. как второстепенная по военному значению, авантюра в Ираке спровоцировала неожиданно обширный политико-дипломатический раскол мира. В 2004–2006 годах он приобрел черты последовательной оппозиции большинства ведущих стран американской политике односторонних действий, а это в свою очередь превратилось в тенденцию к *децентрализации* мировой системы. Международные условия американского лидерства изменились.

1

России новая ситуация не сулит ничего вдохновляющего. Вероятнее всего потому, что понимание американским республиканским руководством объективной необходимости в консолидации круга привычных союзников (стран ЕС и Японии) толкает к самому простому: поиску «мальчика для битья», раздражение против которого, если его разогреть и направить, может заместить повсеместные антиамериканские настроения. Терроризм в качестве общего врага уже надоел.

Заменой ему пробуют сделать «путинскую Россию». Во всяком случае, передачи CNN и BBC по российской тематике, которые никогда не занимали в вещании даже 10 процентов эфирного времени, в декабре 2006 г. стали появляться заметно чаще, становясь длиннее и тенденциозней. Примерно так в брежневском Советском Союзе подавали информацию о США и западноевропейских странах.

Для всплеска раздражения Запада против России есть одна фундаментальная причина и, как минимум, три субъективные. Первая состоит в том, что в основе централизованной системы мироправления, сформированной за десятилетие между распадом СССР и началом нового века, оказались две идеи — «сильное американское лидерство» и «слабая,

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект 06-03-02045а

ведомая и дружественная для США Россия». *К началу 2000-х годов эта система уже вполне сложилась.* После балканских войн 1991–2001 годов стало ясно, что под руководством Соединенных Штатов западные страны фактически ничем не ограничены в международном поведении, кроме собственных принципов и доброй воли толковать таковые в зависимости от специфики текущих интересов.

Именно тогда в мире закончился «переходный период». Словосочетание «эпоха после холодной войны» (post cold-war period) будет еще долго оставаться в обиходе грантополучателей и грантодателей в области исторической науки. Но этот термин уже не относится к современности. *«Постбиполярный» мир с его надеждами, тревогами и неопределенностью остался в 1990-х годах.* Новый век мировая система встретила структурированной по-новому. США почти стали если не формально, то фактически центром принятия ключевых международных решений. Новый порядок был «отцентрован» под интересы Вашингтона, которые, правда, американские союзники в НАТО, по всей видимости, ошибочно считали и своими тоже.

Сегодня ситуация изменилась. Российская Федерация перестает быть такой слабой, какой она была в конце прошлого века. Во всяком случае, у ее руководителей возникло такое ощущение. Формулы международного регулирования и российско-американских отношений, выработанные в расчете на «автоматическую сговорчивость» Москвы, теряют адекватность. Избегая говорить о том вслух, их фактически начали пересматривать. Ревизия ведется без продуманной переговорной стратегии, методом проб и ошибок. На это указывает нынешняя полоса политико-пропагандистского искрения в отношениях России с США и ЕС. *Уход России от роли «слабой страны» – новая характеристика международной системы начала XXI века.* Не странно, что такой сдвиг может быть сопряжен с «кризисом понимания» между

Россией и всеми ее зарубежными партнерами – от США и Европейского Союза до исламских стран и Китая.

Строго говоря, это изменение, при всей его важности *для нашей страны*, само по себе вряд ли может радикально изменить сложившуюся схему *глобальных отношений*. Например, в силу хрупкости того, что принято считать экономическим подъемом в России. Запад болезненно реагирует на ситуацию в силу действия дополнительных факторов – менее фундаментальных, но важных.

Во-первых, в США за полтора-два года до президентских выборов всегда нагнетают политические страсти по поводу любых событий, в том числе – международных. Во-вторых, в странах ЕС сформировалась «критическая масса истерических ожиданий» в отношении «непредсказуемости» российской энергетической стратегии. В основе тревог – сохраняемые со времен российско-украинского «газового скандала» начала 2006 г. страхи по поводу зависимости европейских потребителей от энергоносителей из России. В-третьих, президентские выборы приближаются и в Российской Федерации, а значит, как всегда, обостряется борьба открыто и тайно действующих конкурирующих групп (в том числе криминальных), каждая из которых стремится повлиять на действующего президента, а через него – на выдвижение своего кандидата в президенты на следующий срок. Сплетение всех факторов оказалось достаточным, чтобы мировую политику залихорадило.

Картина станет полнее, если заметить, что позиции американских республиканцев и демократов в отношении России, похожи, хотя цели у обеих партий разные. Республиканцам, как уже говорилось, выгодно нагнетание антироссийских чувств в ЕС, чтобы они могли потеснить критические настроения в отношении самих американцев. Демократам эта задача не противна, но они в еще большей степени, чем республиканцы, готовы найти врага в лице «путинской России», поскольку критика Москвы для

представителей демократической партии — форма критики республиканской администрации за то, что из-за собственного авторитаризма Буш не сумел «пресечь» авторитаризм Путина. В итоге рождается эффект негативного резонанса.

Хуже то, что в антироссийский настрой вписались настроения жителей стран ЕС. Дело не только в русофобии «новообращенных» членов Евросоюза вроде стран Прибалтики. Лидеры ЕС стараются «втащить» Москву в систему обязательств по части энергопоставок из самой России и транзита азиатских энергоносителей через российские трубопроводы. Москве эти обязательства невыгодны. Отсюда — спор из-за отказа России ратифицировать Договор к Энергетической хартии 1994 года¹ и топтание на месте в связи с заключением нового договора об отношениях между Европейским Союзом и Россией. Имея ограниченные возможности надавить на Россию, политики ЕС стремятся выйти на позицию политико-психологического превосходства, поставив Москву в «позицию виноватого».

Нагнетание страстей в СМИ Евросоюза и на американских новостных каналах происходит синхронно и по единой схеме. Собранные вместе разнородные сообщения о предположительно заказных убийствах в России чередуются с сообщениями об ужесточении требований российского правительства к иностранным энергетическим компаниям, действующим на российской территории (скандал вокруг проектов «Шелл» на Сахалине). То и другое связываются рассуждениями о пороках политической системы России. Пристрастные комментарии репортеров даются в «одном пакете» с тем, что понятно простому человеку: Россия «почему-то» не хочет поставлять газ.

Подобные кампании бывали и прежде. В этом смысле очередная из них может оказаться второстепенным эпизодом в развитии отношений России и Запада. Но именно текущий момент очень важен: сейчас, после выборов в Конгресс в ноя-

бре 2006 года, Соединенные Штаты начинают менять свою внешнюю политику.

Республиканцам есть на что досадовать. В 2001 году, всего пять лет назад, Дж. Буш явил невиданный талант спланировать вокруг себя не только старых партнеров, но и новообращаемых союзников — Россию и (с оговорками) даже Китай. Глобальная антитеррористическая коалиция 2001–2002 годов могла бы стать для республиканцев таким же дипломатическим триумфом, каким для демократов при У. Клинтоне был *перевод Москвы с позиции «неконфронтационного взаимодействия на равных» (как было в 1986–1991 годах при М. Горбачеве) на положение «почетного младшего партнера» (так стало в 1991–1999 годах при Б. Ельцине)*.

«Триумф Буша» не удался потому, что он был слишком кратковременным. Уже в 2003 г. война в Ираке расколола глобальную коалицию. Более того, по иракскому вопросу (как позднее и по вопросу о войне против Северной Кореи) США сталкивались с угрозой дипломатической изоляции. Серьезность ситуации, похоже, ранее других осознала К. Райс, с приходом которой на пост государственного секретаря в 2005 г. готовность Вашингтона к военным авантюрам стала меньше, хотя жесткость риторики сохранилась.

Сегодня в круг задач американской дипломатии возвращается мысль о привлекательности «настоящих», широких коалиций. Серьезность этой задачи и настрой Вашингтона на ее разрешение — повод задуматься о том, *какое место хочет и сможет занять Россия в новом общемировом коалиционном раскладе*.

2

Временами атмосфера современной международной политики напоминает канун великих потрясений. С одной стороны, процветание самой мощной группы стран, с которыми старается соизмерять шаг Россия. С другой — масштабы неустройства в многонаселенных государствах Азии, Латинской Америки, Африки. Самоуверенность силы в стане ста-

рых ядерных держав и распространение атомного оружия в кругу уже немалочисленных «ядерных нелегалов». Устоявшиеся ожидания всемирного торжества демократии и размывание основ международной стабильности. В мире растет потенциал разногласий — итог политики всех сильных стран, результат их эгоизма и нежелания компромиссов.

В начале 2000-х годов в зарубежной литературе был отмечен «парадокс мощи» государства. Каждое крупное государство в отдельности за последние 100 лет становилось сильнее, а его возможности подчинять себе других делались меньше². В этой концепции были и правда, и мистификация. Правда — потому что в XX в. *могущество ведущих стран нарастало* (после распада СССР это касалась прежде всего стран «группы семи»). Они обеспечивали прорывы в создании систем вооружений, демонстрировали рост национального богатства, повышение образованности населения, привлекательность жизни. В эти страны устремлялись потоки мигрантов, идей и капиталов. В основе успехов США, государств ЕС и Японии были национально своеобразные системы демократии, позволявшие каждой стране оптимально сочетать свободу регулирующих функций конкуренции с культурными традициями, особенностями национальной психологии и специфики геополитических условий.

Франция или США 2000-х годов многократно сильнее, чем каждая из этих стран в начале XX века. То же можно сказать о Китае, Индии, многих арабских странах, государствах АСЕАН и Латинской Америки. Россия в этом ряду стоит особо. Она слабее Советского Союза, но и она по многим показателям — военной мощи, научно-техническому потенциалу, качеству рабочей силы — выглядит сильнее Российской Империи.

Менее очевидной предстает вторая часть «парадокса мощи» — та, согласно которой *окрепшие страны, ощущая себя стесненными зависимостью от окружающего мира, должны действовать менее*

произвольно. Мощным государствам теоретически следовало бы вести себя «не по силе осмотрительно», избегая давления на соседей, учитывая мнения друг друга, избегая войн там, где их возможно избежать, прибегая к убеждению и уговорам, а не к угрозам и шантажу. В какой мере актуален «парадокс мощи»? Реальности побуждают думать о том, что обобщение о возрастании «сдержанности» в поведении сильных государств справедливо в основном применительно к специфике второй половины прошлого века.

«Зрелой биполярности» (1962–1991) действительно были присущи особенности, делавшие ее иммуноустойчивой к мировым войнам. Во-первых, существовали материально-силовые, политические, идейно-теоретические и психологические ограничители вмешательства одних государств в дела других. Мир был расколот на две враждебные группировки, которые сковывали друг друга. Во-вторых, действовала логика взаимного гарантированного уничтожения, основанная на ней стратегическая стабильность и культура «ядерного табу». В такой ситуации в политике и дипломатии развилась мощная традиция нахождения компромисса. Она определяла мышление политиков и военных в США, СССР, Великобритании, Франции и даже Китае.

В-третьих, взаимное ядерное сдерживание породило механизмы предупреждения войны. Ключевым среди них была ООН, главным назначением которой было исключение угрозы военного столкновения между СССР и США (и между ядерными державами вообще). Рядом с ООН возникла система постоянных военно-политических переговоров, которые не всегда вели к сокращениям вооружений, но постоянно служили каналами информационного обмена и целям взаимной проверки наличия или отсутствия у противостоящей стороны симптомов готовности начать войну.

Под сенью взаимного устрашения развилось международное право и возникли институты правового регулирования меж-

дународных отношений. К началу 1990-х годов идея управления миром на основе международного права стала настолько популярной, что появились предположения о вступлении глобальной системы в период преобладания *международно-правовых способов ее регулирования*³. Теоретическая уместность такого вывода подтверждалась поразительным опытом абсолютно мирного (сугубо правового) распада Советского Союза.

Взгляды о преобладании тенденции к ограничению и самоограничению произвола сильных стран международным правом широко представлены в литературе 1990-х годов. Из написанного вычитывался романтический образ восхождения человечества к правовому универсуму — «глобальному гражданскому обществу» на принципах свободы, демократии и права⁴.

Правда, в 1990-х годах распространение демократии происходило не только в результате вызревания внутренних процессов (в европейских республиках бывшего СССР и странах Центрально-Восточной Европы), но и под прямым военным давлением извне (в бывшей Югославии). *Самоограничение сильных держав, классическими образцами которого остались действия СССР и США в годы «перестройки» (1986–1991), перестало себя проявлять после распада Советского Союза.*

Войны НАТО на Балканах в конце 1990-х годов, несмотря на их несовместимость с представлениями о «сдержанности» и «самоограничении», не смутили пишущих. Западные, да и отечественные авторы «выстрелили» в ответ на балканские кровопролития фонтаном текстов по поводу достоинств гуманитарных интервенций. Можно допустить, конечно, что их авторы, отыскивая теоретические обоснования легитимности нападения НАТО на Сербию, продолжали верить в «сознательность сильного» и способность США и других стран Североатлантического альянса преодолеть «соблазны превосходства» в отсутствие малейшего риска возмездия со стороны кого бы то

ни было. *Но фактических подтверждений способности лидеров добровольно себя ограничивать найти не удавалось.*

Напротив, война в Ираке показала, что сильные страны «вошли во вкус безнаказанности» произвола. Строго говоря, произвольное применение силы Соединенными Штатами произошло еще осенью 2001 г. в Афганистане. Но «афганский случай» мог казаться «шоковой реакцией» на события 11 сентября, своего рода исключением. «Вторая афганская война» *выглядела возмездием «террористам»* (почему-то именно афганским) за нападения на Нью-Йорк и Вашингтон.

Вторжение в Ирак, напротив, представляло в глазах большинства европейских и азиатских политиков *превентивным ударом*, неспровоцированным и лишенным международной санкции. Среди американских ученых нашлись те, кто расценил вторжение в Ирак как пример использования войны в качестве не исключительного, а «рядового» средства решения международных споров⁵. *Это был полный разрыв с практикой, философией и культурой межгосударственного общения второй половины XX века.* Американская администрация отвергла логику терпимости к «киному», к тому, что не соответствовало американским представлениям, тогда как именно подобная терпимость позволяла Советскому Союзу и Соединенным Штатам сохранять себя и мир от ядерной войны.

Вот почему с позиции общесистемного подхода рубежом нового периода истории международных отношений после распада СССР следует считать не 2001 год (как постулируют американские коллеги), а начало войны против Ирака — 2003 год. Именно в этот момент США и Британия отказались признавать неписанные кодексы международного поведения в том виде, в котором он сложился после Карибского кризиса 1962 года. Полагать после этого, что международная система регулируется преимущественно посредством права, не было ника-

ких оснований. Как и в 1950-х годах прошлого века, *мир стал тяготеть к регулированию на основе силы.*

Сдвиг в политике был тем контрастнее, что американская администрация официально подвела под действия в Ираке доктринальное обоснование. Были оглашены концепции «смены режимов» (regime change), «демократизации» (democratization) и «превентивных действий» (preventive action). Первые две давали политическое, а третья – военное обоснование политики односторонних действий во имя интересов национальной безопасности США, трактуемых республиканцами без учета мнения как внутренней оппозиции, так и зарубежных союзников.

Новые концепции строились на трех идеях. Согласно первой правительству государств-изгоев (rogue states), которые с точки зрения США «противопоставляют себя мировому сообществу», являются «неблагонадежными» в том смысле, что они могут преследовать цели, несовместимые с американскими интересами. Поэтому эти правительства должны подлежать замене. Направляющую роль в осуществлении таковой должен играть внешний мир и сами Соединенные Штаты.

Вторая мысль состояла в том, что результатом смены режимов при помощи интервенции должно стать создание государственного устройства, соответствующего американским представлениям о форме демократического правления, которая походит для данного государства. Наконец, третья идея касалась обоснования применимости первых двух: стратегию смены режима и демократизации «можно было» проводить по профилактическим соображениям. Достаточно было подозревать, что та или иначе страна вынашивает недобрые планы. В совокупности все три доктрины определили теоретические представления американской администрации о линии поведения в мировой политике.

Возродившийся культ силового превосходства повлиял не только на внешнюю политику США, но и на приоритеты дру-

гих стран – России, стран Евросоюза, Японии, Китая, Индии, Израиля, Пакистана. После начала войны в Ираке в американской библиографии пролился водопад книг о величии Соединенных Штатов. Ключевое положение в этом потоке занял образ «Американской демократической империи», вытеснивший по иронии образ «глобального демократического общества».

З

Между тем лидерство в мировой системе не обязательно подразумевает наличие только одного лидера. Наличие лидерских качеств *характеризуется прежде всего наивысшей (по критериям своего времени) способностью страны или нескольких стран влиять на формирование международного порядка* в целом или его отдельных фрагментов. В кругу лидеров может быть своя иерархия.

С позиций либерализма функцию лидера можно описать как способность нести ответственность за формирование мирового порядка, содействовать или препятствовать общей гармонии международных отношений. С позиций политического реализма лидерство определяется жестче – способность навязать свой интерес в качестве интереса группового (общемирового, регионального). Великие державы в историческом значении – это государства-лидеры, класс международных игроков, который негласно или гласно присваивается в зависимости от характера роли той или иной страны в международном порядке.

Исторически отношения лидеров складывались непросто: критерии лидерства подвижны, а позиции стран могут быстро слабеть или разрушаться. Лидерские амбиции характерны для огромного круга государств, а ревность к чужому лидерству столь же конфликтогенна, сколь агрессивны реакции всех лидеров вместе на попытки любых других стран оспорить лидерство. До наступления ядерной эпохи за лидерство было принято воевать, причем регулярно.

Во второй половине XX в. правила борьбы за лидерство стали меняться, а пути к нему сделались многообразней. Классический вариант предполагал, что страна-лидер будет обладать набором лучших показателей (экономических, военных, политических, иных) по максимальному числу параметров международного влияния. В такой позиции окончание Второй мировой войны встретили Соединенные Штаты. К этому же стремился Советский Союз. Сознвая свою слабость по сравнению с США, СССР достраивал свои возможности до американских – отсюда борьба за ядерное оружие, гонка вооружений и попытки «экономического соревнования».

Лидерство США и СССР было однотипным. Оно отравляло сознание руководителей европейских держав – Франции и Великобритании. Быстро поняв невозможность конкуренции со сверхдержавами, обе они стремились, тем не менее, удержаться на позициях классического лидерства, сохраняя полагающуюся атрибутику в виде, например, собственных ядерных сил.

Другое дело – ФРГ и Япония. Обе страны не имели возможности стать крупными военными державами. В этом смысле они – *неклассические лидеры*, страны, устремления которых реализовывались за счет приобретения *компенсирующих* возможностей, которые восполняли военную слабость в сравнении с двумя сверхдержавами, а также Францией и Великобританией. Отсутствие военной силы замещалось наращиванием экономической мощи. Этот путь не гарантировал полного успеха.

В Европе получила развитие еще одна нестандартная траектория движения к лидерству – через «объединение параметров». Это был путь превращения в псевдополюс. Этим путем пошел Евросоюз, который пробует «притворяться лидером». В политическом и военно-политическом отношении он и не стал полюсом: мобилизационные возможности ЕС в целом остались слабыми по сравнению

с аналогичными возможностями даже входящих в него крупных государств. Но «сгусток влияния» Евросоюз образует⁶.

С оглядкой на опыт европейской интеграции интерес к идее объединения параметров стали проявлять в Вашингтоне. США изобрели самобытный вариант объединения параметров, «встроив» в потенциал собственного хозяйства экономические возможности Японии. Возник американо-японский «экономико-политический тандем». Это не значит, что можно говорить об «американо-японском объединенном лидерстве». Речь идет только о стратегии укрепления позиций Соединенных Штатов, которые уже прорвались на лидерские позиции. Для контраста: Российская Федерация, имевшая возможность подкрепить свои лидерские устремления в СНГ за счет применения схемы американо-японского тандема в отношениях с Казахстаном и Белоруссией, не стала этого делать – возможно, в силу многих ошибок и трудностей 1990-х годов, упустив, может стать, свой исторический шанс.

Наряду с тенденцией к поиску ресурсов подпитки лидерства за счет присоединения ресурсов партнеров в некоторых частях мира развивается любопытная «модель контр-лидерства», то есть система нейтрализации лидерских устремлений методом «пассивного сопротивления». Исторически она возникла в Юго-Восточной Азии (ЮВА) в 1960–1970-х годах прошлого века, в дальнейшем окрепнув и воплотившись в региональной дипломатии стран АСЕАН.

Государства этой группы отработали схему поведения, которая позволяет им успешно противостоять амбициям США, Китая, Японии, не вступая в конфронтацию с ними⁷. Тесно кооперируясь между собой в политико-дипломатической области, не давая лидерам возможности вести серьезные переговоры с каждой из малых стран в отдельности, государства АСЕАН научились действовать как сплоченный коллективный игрок. Всякий раз сталкиваясь с лидерским устремлением,

они немедленно приступают к взаимным консультациям и не реагируют на инициативы сильных стран до тех пор, пока не согласуют собственную коллективную позицию. Часто таковая сводится к игнорированию американских или японских предложений, бесконечному затягиванию реакции на них и в конечном счете — к растворению того, что могло быть ответом в потоке неопределенных заявлений, ни одно из которых не позволяет лидерам расценить его как согласие с тем, что предлагается.

Лидерские амбиции «теряются и вязнут» в такой среде, а сама она действует в роли «сгустка неприятия» инициатив лидеров. Сломить это неприятие, не прибегая к военной силе, вот уже около полувека сильным странам не удается. Замешанное на местной версии азиатского национализма, сотрудничество малых и средних стран АСЕАН в XX в. не позволило ни Соединенным Штатам, ни Советскому Союзу вовлечь страны ЮВА ни в один из военных блоков.

Конечно, соединение усилий малых и средних стран недостаточно, чтобы навязать свою волю более сильным игрокам. Контрлидерская тактика АСЕАН эффективна в пассивном качестве — как инструмент гашения напора «великих держав». Но малые страны утвердили в своем регионе «отпугивающий» политико-психологический барьер, который в какой-то мере защищает их от лидерского произвола. Возможно, что именно поэтому в ЮВА не складывается четко организованной иерархической системы. Сбившись в «сгусток», страны АСЕАН не могут противостоять лидерам, но могут мешать им проявлять амбиции, гася одни и стимулируя другие импульсы, исходящие от более сильных держав.

Этот пример пока остается, по-видимому, уникальным — таким же уникальным, впрочем, как интеграция европейского типа. Но систематическая оппозиция, черты которой в последние годы приобретают отношения США с исламским миром, побуждают думать о воз-

можности появления в мире других «сгустков неприятия» лидеров. Если Соединенные Штаты уйдут из Афганистана и Ирака, не окажется ли чем-то подобным регион от индо-пакистанской до израильско-палестинской границы? И не окажется ли сама многополярность, о которой не устали говорить в Китае и России, «многополярностью сгустков», а не «многополярностью стран», какой она была в давно минувшие эпохи?

Определяющей для страны-лидера остается способность к миротворяющей роли. Исходно лидерская иерархия выстраивалась на основе учета таких показателей, как:

- вооруженная сила, пригодная для использования с целью установления контроля над поведением других государств;
- экономическая мощь как способность питать свою силу;
- идеологическое влияние, связанное с возникновением у других государств желания добровольно подчиниться лидеру, прислушаться к его мнению или просто имитировать его поведение.

В 1980-х годах к этим параметрам добавилась такая характеристика, как научно-технический потенциал, способность выходить на благоприятные позиции в международном разделении труда и их удерживать. В начале 1990-х японским ученым А. Танака была сформулирована идея об организационном ресурсе, в зависимости от которого страна могла возвыситься в международной иерархии или сойти на ее нижние этажи⁸.

В начале нового века американский политик и ученый Дж. Най, развивая идею об идеологическом влиянии, «перелил» ее в более эlegantный тезис о «мягкой мощи» (soft power)⁹. Последняя означает «комплекс привлекательности», которым обладает страна независимо от имеющегося у нее материального потенциала. В сущности, это набор характеристик, которые могут побуждать зарубежные государства имитировать черты поведения страны, обладающей «мягкой мощью», формы и методы ее развития, эле-

менты общественного устройства, изучать ее язык, открывающий путь к самовозвышению и благу.

К числу черт лидерского поведения, кроме того, относят напор, умение с опережением выдвигать инициативы и обеспечивать их благожелательное восприятие международной аудиторией, способность самому удержаться на выдвигаемой платформе и оказать поддержку нерешительным партнерам, у которых не всегда имеется ресурс следовать линией, к которой приглашает лидер.

Свое слово в дискуссию привнесла и синергетика. Через ее посредничество в политологию пришло словосочетание «управляющий параметр», который должен представлять собой интегрированный показатель ключевых характеристик потенциала страны и в идеале рассчитываться математически. Стоит оговориться: в политической науке эта операция вряд ли может быть проделана математически корректно. Во всяком случае, ее не будет в этой статье, поскольку автор не может выразить математически характеристики поведения стран, которые пытается описывать логически и оценивать интуитивно. Но синергетика дала важную подсказку: поведением системы управляют не все ее характеристики, а только набор ключевых из них. Для целей анализа таковых должно быть выделено не более пяти (число «лямбда»). Если следовать этой логике, то набор лидерских черт будет выглядеть приблизительно так: (1) *военная сила*, (2) *научно-технический потенциал*, (3) *производственно-экономический потенциал*, (4) *организационный ресурс*, (5) *совокупный креативный ресурс (потенциал производства потребительных жизненно-инноваций)*.

Военная сила с целью возможности ее прямого или косвенного применения для установления контроля над поведением других стран была ключевым параметром лидерства в 1945–1962 годах. В 1963–1973 годах ее роль понижалась. В 1974–1985 годах она стабилизировалась, затем снова упала (1986–1990), чтобы в 1990-х

обнаружить тенденцию к росту, и резкий взлет в первом десятилетии XXI века.

В последние полтора десятилетия в мире зафиксирована «революция в военном деле». Она должна была показать способность человечества ограничить войну и сделать ее управляемым процессом. На деле революция повела к понижению порога вооруженных конфликтов и способствовала превращению войны из исключительного в рядовое средство решения споров. Началось разрушение культуры «ядерного табу»¹⁰.

Очевидно, что *научно-технический потенциал* во многом остается не только средством развития мировой экономики, но и инструментом приобретения большей военной мощи. Но и в общегражданском назначении он выполняет функции подпитки лидерских амбиций:

а) способствуя формированию виртуальных составляющих производства с характерной для них повышенной нормой прибыли;

б) формируя принципиально новый запрос на продукцию этого производства, который переориентирует экономику с обеспечения биожизненных потребностей на удовлетворение потребностей нематериальных (электронные игры для взрослых, непрерывное общение через Интернет, переключение на визуальные средства восприятия информации вообще);

в) обеспечивая производство дорогой наукоемкой продукции, реализация которой способствует наполнению бюджетов и росту материальных ресурсов экономического влияния.

Традиционная экономическая мощь остается важнейшим показателем лидерского потенциала, причем склонность исчислять ее только в стоимостных показателях – в отрыве от товарной номенклатуры производств – искажает картину соотношения лидерских возможностей. Цифры, характеризовавшие место России в мировом ВВП в 1990-х годах, не показывали ее реального положения в международных отношениях. Они иллюстрировали не столько абсолютную слабость ее меж-

дународного влияния, сколько высокую степень уязвимости российской экономики, зависимость от экспорта энергоносителей, цены на которые даже в пиковые их периоды были низкими по сравнению с готовой продукцией.

Организационный ресурс характеризует способность страны оказывать прямое влияние на принятие международных решений посредством участия в их выработке, а также через выдвижение идей, способных служить основой будущих решений. Организационный ресурс Российской Федерации определяется ее участием в Совете Безопасности ООН с правом вето, членством в «группе восьми», ведущих международных экономических, культурных организациях, специализированных институтах ООН, региональных организациях.

Этот ресурс определяется наличием разветвленной системы дипломатических связей и неформальных контактов, позволяющих получать и передавать инсайдерскую информацию, осуществлять лоббирование, вести переговоры по широкому кругу вопросов с разнообразными партнерами. К этой же сфере относятся такие показатели, как кадровый корпус профессионалов-международников, наличие сложившейся школы их подготовки, опыт международного общения, материализованный в архивах, документах, книгах и «устной истории» дипломатической практики.

Сложнее — с показателем *потенциала креативности*, способностью страны изобретать и внедрять жизненно востребованные инновации, идеи не только научно-технологической, но и философско-политической, общекультурной природы. В этом смысле российские позиции подорваны реформами 1990-х годов, обернувшихся исходом на Запад носителей знаний, навыков, квалификаций из России, с одной стороны, и разорением сферы образования, науки и культуры — с другой. Потенциал скорого перехода России на путь превращения в «общество знаний» (knowledge-based society) вызывает сомнения.

Сдвиг в формах реализации лидерства произошел, по-видимому, во второй половине прошлого века и заключался в переходе от стремления *разрушать потенциал соперника к приобретению способности искусственно ограничивать, замедлять его рост и далее — к умению «направленно развивать» потенциального соперника, манипулировать его развитием в интересах лидера*. Обладание этим умением — решающий признак способности выступать в роли великой державы. Именно таким образом США взаимодействовали с Россией времен Б. Ельцина. По сходной логике, но с меньшей результативностью строится политика США в отношении Китая.

Политика «вовлечения» (engagement), которая пропагандировалась администрацией У. Клинтона в 1990-х годах, была воплощением такого управления. «Интеграция» как включение бывших социалистических стран, в том числе Россию, в систему общемировых экономических и политических отношений предусматривала, что «переходные» страны включаются в деятельность соответствующих организаций, но фактически не играют в их управлении заметной роли.

За 15 лет после распада СССР Россия расширила участие в мировых делах в качестве элемента международной хозяйственной жизни — в роли крупнейшего поставщика энергоносителей. Но только в последние два года она интегрируется в управляющие механизмы мировой энергетики — первым признаком этого стал саммит «группы восьми» под ее председательством в Петербурге летом 2006 года.

Лидерские амбиции и сегодня проявляются в формах войн, захватов и противостояний, что наиболее заметно в политике США. Но в целом такие действия характеризуют меньшую часть международной практики. Тревожно другое — действия Вашингтона индуцируют желание других стран следовать американскому примеру. Произвольное применение силы лидерами провоцирует

тотализацию восприятия безопасности всеми странами мира, включая те, которых называют «изгоями». Рынок пороговых стран к ядерному оружию есть проявление этого типа мышления и в известной мере – оборотная сторона силового производства сильных держав.

* * *

Под влиянием начавшейся децентрализации мировой системы современная межгосударственная иерархия становится менее жесткой. Но ее размягчение идет не только и не столько по линии изменения соотношений возможностей между ведущими государствами. Прогнозируемое уменьшение влияния США может происходить не в результате захвата, скажем, Китаем принадлежащего сегодня Соединенным Штатам почетного места, а за счет ограничения эффективности политики США «зонами отторжения» – секторами пассивного сопротивления лидерским импульсам со стороны малых и средних стран.

Это вероятнее всего в Азии, страны которой не только наращивают способность «мягко бойкотировать» политику больших держав, но и учатся влиять на эту политику «изнутри» самих больших стран за счет миграции азиатского населения в державы-лидеры и использования мигрантами разнообразных форм давления на принимающие страны. Само по себе возникновение «зон неприятия» в лице части исламского мира есть симптом появления в глобальной системе своего рода «всемирного подполья» – какое и должно было рано или поздно возникнуть в «мировом обществе» как реакция на репрессии «мирового верха».

Примечания

¹ В полемике об Энергетической хартии нередко путают два документа – Европейскую энергетическую хартию (ЕЭХ) 1991 г. и Договор к Энергетической хартии (ДЭХ) 1994 года. Сама Хартия является политическим документом и была подпи-

сана в Гааге (Нидерланды) 17 декабря 1991 г. большинством западноевропейских государств, Австралией, Канадой, Турцией, США и Японией. Для преобразования намерений и деклараций ЕЭХ в юридические обязательства в 1992 г. было признано необходимым выработать ДЭХ. 17 декабря 1994 г. в Лиссабоне были открыты к подписанию ДЭХ и связанные с ним документы: Заключительный Акт Конференции по Европейской энергетической хартии (КЕЭХ) и Протокол по вопросам энергетической эффективности и смежным экологическим аспектам. Российская сторона высказала озабоченность вопросами переводов платежей, торговли расщепляющимися материалами и некоторым другим аспектами Договора, что было зафиксировано в заявлении Председателя КЕЭХ, вошедшем в итоговые материалы встречи в Лиссабоне. В настоящее время Договор не ратифицирован и США.

² См., например, *Thomas J. Volgy and Alison Bailin. International Politics and State Strength*. Boulder: Lynne Rienner, 2003; *Thomas J. Volgy. Politics in the Trenches. Citizens, Politicians, and the Fate of Democracy*. The University of Arizona Press, 2001.

³ Системная история международных отношений. События и документы. 1918–2003. Т. 3. М.: НОФМО, 2003. Гл. 13. С. 583–638.

⁴ См. статью В.А. Кременюка в данном номере.

⁵ *S. Brown. The Illusion of Control. Force and Foreign Policy in the 21st Century*. Washington: The Brookings Institution Press, 2003; *R. Falk. The Great Terror War*. New York: Olive Branch Press, 2003.

⁶ *Троицкий М.* Европейский Союз в мировой политике // *Международные процессы*. 2004. № 2. С. 43–58.

⁷ *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. М., 1997. С. 196–212.

⁸ *Tanaka A.* Is There a Realistic Foundation for a Liberal World Order? // *Prospects for Global Order*. Vol. 2 / S. Sato and T. Taylor (eds.). London: The Royal Institute of International Relations, 1993. P. 25–37.

⁹ *J. S. Nye. The Paradox of American Power*. Oxford: Oxford University Press, 2002. Предложенное в русском переводе словосочетание «гибкая сила» образно, но не очень удачно, так как уводит от подразумеваемого противопоставления «жесткой мощи» (hard power).

¹⁰ *Кокошин А.А.* О политическом смысле победы в современной войне. М.: УРСС, 2004; *Фененко А.В.* Понятие ядерной стабильности в современной политической теории. М.: КомКнига – УРСС, 2006; *Балуев Д.* Политика в войне постиндустриальной эпохи // *Международные процессы*. 2005. № 3. С. 18–32.